

А ты—разслабленный! А ты—живой мертвецъ
Покрытый язвами и гноищемъ проказы....
Придетъ-ли и къ тебѣ Спаситель наконецъ,
Чтобы снять съ тебя недугъ убійственной заразы.
Чего жъ ты ждешь еще? Чего же медлишь ты?
Вода колыхнется: дерзай! не бойся боли!
Иль пѣтъ въ тебѣ стыда духовной нищеты
Ни вѣры, ни любви, ни мужества, ни воли??....
Иль суждено тебѣ съ запасомъ спящихъ силъ,
Недугомъ скованныхъ, въ печальномъ омертвѣннѣи,
Извѣдать заживо гнѣніе могилъ,
И заживо свое увидѣть распаденіе!....

Поспѣшимъ же, возм. бр., поспѣшимъ по пути нравственнаго
возрожденія и духовнаго обновленія, поспѣшимъ по пути истиннаго
покаянія, чтобы и намъ услышать свѣтозарныя слова Спасителя нашего:
«чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои.... иди въ миръ»....

Свят. В. Сокольскій.

Безсмертіе и жизнь.

(Продолженіе).

Разумныя основанія вѣры въ безсмертіе души *) вытекаютъ
изъ признанія того, что душа есть недѣлимая самостоятельная духовная
субстанція и, слѣдовательно, она не можетъ быть уничтожена. По смерти
тѣла она не перестаетъ существовать, а вступаетъ только въ иную форму
существованія—существованія для себя, а не для другихъ. *Необходимо
отличать жизнь для себя и жизнь для другихъ.* Человѣкъ мо-
жетъ проявлять себя другимъ, т. е. сообщать свои мысли и чувства
только черезъ посредство тѣла, при помощи различныхъ тѣлодвиженій,
звучовъ, но онъ сознаетъ въ то же время, что онъ существуетъ и
самъ по себѣ, помимо этихъ видимыхъ знаковъ. Онъ можетъ даже
думать и чувствовать одно, а выражать словами и тѣлодвиженіями совсѣмъ

*) Здѣсь мы приводимъ по порядку доказательства: 1) рационалистическое, 2) онтологическое, 3) телеологическое, 4) нравственное, 5) эдемическое, 6) экономическое и 7) этико-пассальное.

другое. Жизнь для себя обладает тѣмъ свойствомъ, что каждый знаетъ ее только самъ въ себѣ, а другимъ она становится извѣстной лишь при посредствѣ тѣлесныхъ знаковъ. Въ силу этого мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что со смертью тѣла совѣмъ прекращается жизнь человѣка; *прекращается только его жизнь для другихъ, но мы не можемъ сказать, что она прекратилась сама по себѣ.* Главное же основаніе безсмертія человѣка заключается въ самой природѣ человѣка. Абсолютно безсмертенъ только одинъ Богъ, человѣкъ же безсмертенъ лишь потому, что Богъ сообщилъ человѣку «дыханіе жизни» и далъ назначеніе сдѣлаться подобнымъ Ему. Такимъ образомъ, душа человѣческая безсмертна потому, что *она духовное, самостоятельное и богоподобное существо.* И такъ какъ все въ мірѣ цѣлесообразно, имѣетъ свое назначеніе и достигаетъ его сообразно съ существующими для него законами, а человѣкъ, часть міра, то слѣд., онъ долженъ *имѣть и свое назначеніе.* Его назначеніе—внутренно развиваться, развивать силы своей природы до возможныхъ предѣловъ и это развитіе проявлять во внѣ. Но достигъ этого въ предѣлахъ паличной жизни невозможно. *Безконечное развитіе человеческого ума требуетъ и безконечнаго времени для существованія человѣка, т. е. его безсмертія.* Стремленіе къ осуществленію идеала добра такъ же сильно и безконечно, какъ и стремленіе къ истинѣ. Человѣкъ никогда не можетъ дойти до сознанія, что онъ достигъ полнаго нравственнаго совершенства и ему не къ чему больше стремиться. Мы убѣждаемся въ этомъ на примѣрѣ великихъ подвижниковъ, которые бросали все блага міра, уходили въ пустыни и проводили тамъ время въ неустанной борьбѣ съ своими страстями, но странно: чѣмъ ближе, повидимому, они были къ идеалу, тѣмъ выше онъ имъ представлялся. Да и какъ достигнуть нравственнаго идеала, когда онъ есть богоподобіе? Такимъ образомъ, вторая цѣль человѣческаго существованія на землѣ не достигается, слѣдовательно, и безконечное *нравственное совершенствованіе* требуетъ безсмертія человѣческой души. Всѣмъ людямъ, даже, *присуще стремленіе къ счастью,* но на землѣ нѣтъ абсолютно счастливыхъ и очень много несчастныхъ. Едва ли найдется хотя одинъ человѣкъ, который бы могъ сказать, что онъ вполне доволенъ, что онъ ничего не желаетъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что само по себѣ могло бы навсегда доставить намъ счастье. За всякимъ удовлетвореннымъ желаньемъ у насъ являюся

новья желанія. Вся наша жизнь есть, такъ сказать, погоня за счастьемъ; котораго никто изъ людей однако не достигалъ. Свѣдѣтельно, и здѣсь мы приходимъ къ выводу, что полное счастье мы получимъ въ загробной жизни; въ противномъ случаѣ существованіе человѣка въ мірѣ было бы не цѣлесообразнымъ и нарушало бы универсальную гармонию міра. Кромѣ того, въ природѣ повсюду находимъ *прогрессивное развитіе*, постепенный переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Высшія и низшія формы связываются цѣлымъ рядомъ переходныхъ. Основной законъ природы состоитъ въ томъ, чтобы *сберечь выработанныя формы жизни*. Душа человѣческая есть высшая форма бытія; поэтому уничтоженіе ея вмѣстѣ со смертію человѣка было бы нарушеніемъ одного изъ основныхъ законовъ природы.

Безсмертіе души требуется и для оправданія всевозможныхъ страданій на землѣ въ идеѣ личнаго возмездія за гробомъ. Особенно этого требуетъ тайна страданій младенцевъ—самыхъ идеальныхъ и чистыхъ мисіонеровъ христіанства. Только признавая безсмертіе души и можно отвѣтить на вопросъ зачѣмъ страдаютъ маленькія дѣти? Чтобы своими невинными страданіями подвигнуть окружающихъ людей по пути нравственнаго совершенства....

Крайне неосновательно наконецъ думать, что есть только матеріальное благоденствіе и земля, на которой обитаетъ человѣкъ. Нельзя придти къ тому заключенію, что все то, чего мы не можемъ осязать чувственно, только потому что мы не можемъ осязать этого—чувственно—не существуетъ. На основаніи подобнаго ребяческаго аргумента житель равнины, никогда не выѣзжавшій изъ мѣста своей родины, могъ бы утверждать, что не существуетъ горъ. Справедливо говорятъ: «Скажите африканскому негру, что есть страны, въ которыхъ поверхность воды въ рѣкахъ и озерахъ, въ извѣстныя времена года, превращаются въ твердую массу, такъ что по ней можно безопасно ходить и ѣздить, онъ насъ приметъ за безумнаго».

Допустимъ, однако, что *мѣсто вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь временно заняла теорія прогресса, или выраженаясь Контовскимъ языкомъ, религія человечества*. Вычислялось и научно доказывалось, что будущему человечеству суждено царство свободнаго и свѣтлаго развитія, при которомъ будутъ воплощены въ жизнь радостные принципы свободы, равенства и братства. Все тяжелое и мертвящее

нашей теперешней жизни. Все формы эксплуатации и порабощения человека человеком погибнут естественной смертью, и миру явится свободный, научно-владычущий природой человек — человек-бог по выражению Достоевского.

Независимо оттого, молятся или не молятся новым богам душа, необходимо замѣтить, что въ основѣ такого пониманія жизни, не взирая на его отрицаніе, лежитъ всетаки вѣра въ неосызаемое. Чтобы жить упованіемъ свѣтлаго и прекраснаго будущаго человечества и работать ради этой отдаленной перспективы, нужно вѣрить въ человечество; вѣрить въ то, что человекъ дѣйствительно способенъ быть человек-богомъ, что человечество въ цѣломъ можетъ подняться до небывалой еще высоты, а не выродиться въ нравственное убожество, даже достигнувъ животнаго счастья. Въ это пужно вѣрить и въ это можно не зѣрить. Остальная вѣра — вѣра въ безконечный прогрессъ человечества, представляетъ еще вопросъ и вопросъ крушой величины. Прогрессъ этотъ является самъ собою цѣлью, нѣтъ такого-либо внѣшняго императива, который бы эту цѣль оправдывалъ, или превращалъ въ средство для иной высшей цѣли. Смыслъ этого прогресса — возможно большее счастье возможно большаго числа людей, что конечно очень хорошо и пріятно.... Но... пусть люди науки борются съ болѣзнями и страданіями человечества, пусть устраняютъ съ его пути непосильный трудъ, пусть обставляютъ его жизнь всевозможными благами и внѣшними удобствами, они никогда не устранятъ изъ нашей жизни тѣхъ душевныхъ лучей, что вызываются земными бѣдствіями и сознательнымъ отношеніемъ къ жизни — это можетъ сдѣлать только вѣра въ личное безсмертіе.

Иллюстрируемъ это положеніе, хотя бы великимъ произведеніемъ *Ю. М. Достоевскаго* — «*Братья Карамазовы*».

Иванъ не хочетъ признать своимъ «эвклидовскимъ» умомъ разумность и цѣлеобразность человѣческихъ страданій. «О всѣхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра, я уже и не говорю.... Признаю со всемъ своимъ припужденіемъ, что ничего не могу понять, для чего все такъ устроено. Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь съ небеси, сами зная, что станутъ несчастны, значитъ ихъ нечего жалѣть».... «Но дѣтки невинны; они не съѣли яблока, на ихъ страданіяхъ яеньво стало-быть пенужности, безсмысленности страданій вообще». И вотъ

идутъ ужасныя страницы о дѣткахъ, зарѣзанныхъ, застрѣлянныхъ въ моментъ, когда дитя, играючи, тянулось за пистолетомъ, томимыхъ въ скверномъ мѣстѣ, истязаемыхъ, затравленныхъ собаками на глазахъ у мастера—длинная, кровавая галлерей. «Совѣмъ непонятно, гремить Иванъ, для чего должны были страдать они и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонию? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и увозили собою для кого-то будущую гармонию». Иванъ отказывается отъ гармоніи за такую цѣну. «Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной копурѣ своей неисккупленными слезками своими <къ Боженкѣ!» Не стоитъ, потому что слезки остались неисккупленными. Они должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ уже замучены? Слишкомъ дорого оцѣнили гармонию, заключаетъ Иванъ—не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратити обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша! а... только билетъ ему почитательнѣйше возвращаю»... Это бунтъ, тихо и потупившись проговаривалъ Алеша.

Да, это бунтъ, являющійся слѣдствіемъ замѣны вѣры съ безсмертной религіей человѣчества, бунтъ человѣка противъ Бога, или, выражаясь научно—бунтъ безсильной человѣческой личности противъ объективнаго порядка вещей. Иванъ отвѣчаетъ Алешѣ: Бунтъ. Я не хотѣлъ-бы отъ тебя такого слова. *Можно-ли жить бунтомъ, а я хочу жить!* Бунтомъ жить нельзя, и это настроеніе, или, это міропониманіе нужно побѣдить или пережить: иначе исхода нѣтъ, потому разгадка всемірнаго горя, совершеннаго, повидимому отсутствія на землѣ правды, находится у Бога, предъ которымъ все обнажено и открыто (Евр. 4, 13). И Онъ всякое дѣло приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо оно или худо (Екк. 12, 14) и пошлетъ ангеловъ Своихъ и соберутъ отъ царства Его вся соблазны и дѣлающихъ беззаконіе и ввергнутъ ихъ въ пещь огненную, а праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ царствіи Отца ихъ (Мф. 13, 14), гдѣ первое мѣсто, по неложному слову Христа, принадлежитъ дѣтямъ—ихъ-бо есть царствіе Божіе.

«Идея эта (о безсмертіи), говорилъ ранѣе старецъ Зосима Ивану,

еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любить иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія».

Этотъ вопросъ не рѣшенъ какъ слѣдуетъ и нашимъ интеллигентнымъ обществомъ. *И въ этомъ его великое горе.* Безъ вѣры въ безсмертіе жить нельзя.

Логическій выводъ отсюда очень ясенъ: вѣровать въ безсмертіе мы принуждаемся съ психологической необходимостью, не смотря на то, хотимъ-ли мы принять, или не хотимъ принять этого!

Свящ. *Василій Сокольскій.*

(Продолженіе будетъ).

С Л О В О

въ день поминаенія Святѣйшаго Патріарха Гермогена въ 300-лѣтіе его мученической кончины (1612—1912—17 февраля) *).

Нынѣ мы собрались въ святой храмъ для того, чтобы вспомнить и помолиться о упокоеніи души великаго русскаго святителя Патріарха Гермогена. Триста лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ по злобѣ враговъ въ мрачномъ и тѣсномъ подземельѣ Чудова монастыря скончался голодною смертію этотъ великій страдалецъ за Русскую землю; но свѣтлый образъ святителя-мученика не изгладился и, несомнѣнно, никогда не изгладится изъ благодарной памяти всякаго православнаго русскаго человѣка. Смѣнилось со времени кончины святителя нѣсколько поколѣній, произошло много крупныхъ государственныхъ и церковныхъ событій, но дѣятельность Патріарха Гермогена въ то страшное на Руси время навсегда останется въ исторіи свѣтлою точкою, неволью приковывающею къ себѣ благоговѣнное вниманіе всякаго вѣрнаго сына нашего дорогого отечества.

Чѣмъ же великъ и памятенъ Святитель Гермогенъ и почему всѣ мы,

---

*) Произнесено 18 февраля въ Кафедральномъ соборѣ при архіерейскомъ служеніи Пресвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Царевскаго.